

P G
3337
I4
A6
1887
MAIN
UC-NRLF
B 320 205
YB 56845
Digitized by Google

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Digitized by Google

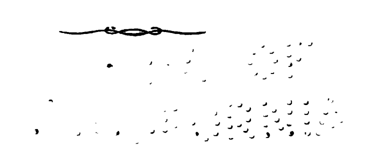
СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. М. ЯЗЫКОВА.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Николая Михаиловича

ЯЗЫКОВА.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

Дозволено цензурой. Москва, 6-го Іюня 1887 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Пѣсня.

Разгульна, свѣтла и любовна
Душа веселится моя;
Да здравствуетъ Марья Петровна,
И ножка, и ручка ея!

Какъ розы денницы живыя,
Какъ ранніе снѣги полей—
Ланиты ея молодыя
И дѣвственный бархатъ кудрей.

Какъ звѣзды задумчивой ночи,
Какъ вешняя пѣснь соловья—
Ея восхитительны очи,
И сладостенъ голосъ ея.

**Блаженъ, кто, роскошно мечтая,
Зоветъ ее дѣвой своей;
Блаженнѣй избранниковъ рая
Студентъ, полюбившійся ей!**

Чужбина.

Тамъ, гдѣ въ блескѣ горделивомъ
Межъ зеленыхъ береговъ
Волга вторитъ ихъ отзывомъ
Пѣсни радостныхъ пловцовъ,
И какъ Нилъ-благотворитель
На поля богатства льётъ:
Тамъ отцовъ моихъ обитель,
Тамъ любовь моя живетъ!

Я давно простился съ вами,
Незабвенные края!
Подъ чужими небесами
Отцвѣтетъ весна моя;
Но ни въ громкомъ шумѣ свѣта,
Ни подъ бурей роковой,
Не слетитъ со струнъ поэта
Голосъ родинѣ чужой.

Радость жизни, другъ свободы,
Муза любитъ мой пріютъ.
Здѣсь, когда брега и воды
Подъ туманами заснутъ,
И какъ щитъ передъ сраженьемъ,
Свѣтелъ мѣсяцъ золотой,—
Съ благотворнымъ вдохновеньемъ,
Легкокрылою толпой,

Изъ страны очарованья,
Въ ихъ эѳирной тишинѣ,
Утѣшители-мечтанья
Ниспускаются ко мнѣ.
Предъ очами оживаетъ
Красота минувшихъ дней,
Сладко грудь моя вздыхаетъ,
Сердце бьется, взоръ яснѣй!

Это ты, страна родная,
Гдѣ весенніе цвѣты
Мнѣ дарила жизнь младая!
Край прелестный—это ты,
Гдѣ видѣніемъ игривымъ
Каждый день мой пролеталъ,
Каждый день меня счастливымъ
Находилъ и оставлялъ!

Вы, холмы, лѣса, поляны,
Скаты злачныхъ береговъ
И старинные курганы—
Память смѣлыхъ праотцовъ—
Сохраненные вѣками,
Какъ свидѣтели побѣдъ,
Непритворными струнами
Васъ привѣтствуетъ поэтъ!

Вашъ пѣвецъ въ чужбинѣ дышитъ
И одинъ, во цвѣтѣ дней,
Долго, долго не услышитъ
Пѣсень Волжскихъ рыбарей.
Долго грустный проблуждаетъ
Онъ по дальнымъ сторонамъ;
Долго арфа не сыграетъ
Пѣсни радостнымъ друзьямъ.

Ты, которая вливаешь
Огнь божественный въ сердца,
И цвѣтами убираешь
Кудри юнаго пѣвца,
Радость жизни, другъ свободы,
Муза лиры, прилетай
И утраченные годы
Мнѣ въ мечтахъ напоминай!

Муза лиры! Ты прекрасна,
Ты мила душѣ моей;
Мнѣ съ тобою не ужасна
Буря свѣта и страстей.
Я горжусь твоимъ участьемъ;
Ты чаруешь жизнь мою,—
И забытый рано счастьемъ,
Я утѣшенъ: я пою!

Элегія.

Не улетай, не улетай,
Живой мечты очарованье!
Ты возвратило сердцу рай—
Минувшихъ дней воспоминанье.

Прошелъ, прошелъ ихъ милый сонъ,
Но все душа за нимъ стремится
И ждетъ: быть можетъ, снова онъ
Хотя однажды ей приснится....

Такъ путникъ въ ранніе часы,
Застигнутъ ужасами бури,
Съ надеждой смотритъ на красы
Гдѣ-гдѣ свѣтлѣющей лазури!

Евпатій.

„Ты знаешь ли, витязь, ужасную вѣсть?—
Въ Рязанскія стѣны вломились Татары!
Тамъ сильные долго сшибались удары,
Тамъ долго сражалась съ насиліемъ честь;
Но все побѣдили Батыевы рати:
Нашъ градъ—пепелище, и князь нашъ убитъ!“
Евпатію блѣдный гонецъ говоритъ,
И страшно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій.

„О витязь! Я видѣлъ сей день роковой:
Багровое пламя весь градъ охватило,
Какъ башня, спрямилось, какъ буря, завыло.
На стогнахъ смертельный свирѣпствовалъ бой,
И крики послѣднихъ молитвъ и проклятій
Въ дыму заглушали звенящій булатъ.
Все пало... и небо стерпѣло сей адъ!“
Ужасно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій.

Гдѣ-гдѣ по широкой долинѣ огонь
Сверкаетъ во мракѣ ночнаго тумана:
То грозная рать побѣдителя-хана
Покоится. Тихи воитель и конь;

Лишь изрѣдка, черной тревожимый грёзой,
Татаринъ въ просонкахъ съ собой говоритъ,
Иль вздрогнувъ, безмолвный, подыметъ свой щитъ,
Иль схватитъ свое боевое желѣзо.

Вдругъ.... что тамъ за топотъ въ ночной тишинѣ?
„На битву, на битву!“ взываютъ Татары.
Откуда жъ свершитель отчаянной кары?
Не все ли погибло въ крови и въ огнѣ?
Отчизна, отчизна! Подъ латами чести
Есть сильное чувство, живое, одно.....
Полмертваго руку подъемлетъ оно
Съ послѣднимъ ударомъ рѣшительной мести.

Не синее море кипитъ и шумитъ,
Почуя незапный набѣгъ урагана:
Шумятъ и волнуются ратники хана;
Оружіе блещетъ, труба дребезжитъ;
Толпы за толпами, какъ тучи густыя,
Дружину отважныхъ стѣсняютъ кругомъ;
Сто копій сражаются съ Русскимъ копьемъ....
И пало геройство подъ силой Батыя.

Рѣдѣетъ ночнаго тумана покровъ,
Утихла долина убійства и славы.
Кто сей на долинѣ убійства и славы
Лежитъ, окруженный тѣлами враговъ?

Уста ужъ не кличутъ безтрепетныхъ братій,
Ужъ кровь запеклася въ отверстіяхъ латъ,
А длань еще держитъ кровавый булатъ:
Сей падшій воитель свободы—Евпатій!

Муза.

Богиня струнъ пережила
Боговъ и грома и булата;
Она прекрасныхъ рукъ въ желѣзы не дала
Вѣкамъ тиранства и разврата.

Они пришли; повсюду смерть и брань,
Въ вѣнцѣ раскованная сила;
Ея безсовѣстная длань
Алтарь изящнаго разбила;

Но съ праха рушенныхъ громадъ,
Изъ тишины опустошенья,
Возсталъ, величественъ и младъ,
Безсмертный геній вдохновенья.

Молитва.

Молю Святое Провидѣнье:
Оставь мнѣ тягостные дни,
Но дай желѣзное терпѣнье,
Но сердце мнѣ окамени.

Пусть, неизмѣненъ, жизни новой
Приду къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый къ берегамъ!

Ливонія.

Не встанешь ты изъ вѣковаго праха,
Ты не блеснешь подъ знаменемъ креста,
Тяжелый мечъ наслѣдниковъ Рорбаха,
Ливоніи прекрасной красота!
Прошла пора твоихъ завоеваній,
Когда въ огняхъ тревоги боевой,
Вожди побѣдъ, смирители Казани,
Смирялися, блѣднѣя, предъ тобой!

Но тишина постыднаго забвенья
Не все, не все у славы отняла:
И черныя дѣла опустошенья,
И доблести возвышенной дѣла...
Они живутъ для музы пѣснопѣнья,
Для гордости поэтова чела!

Рукою лѣтъ разбитыя громады,
Гдѣ бранная воспитывалась честь,
Гдѣ торжество не вѣдало пощады,
И грозную разгорячало месть,—
Несмѣлый внукъ Ливонца удалаго
Глядитъ на вашъ краснорѣчивый прахъ....
И нѣтъ въ груди волненія живаго,
И нѣтъ огня въ безсмысленныхъ очахъ!

Таковъ ли взоръ любимца вдохновенья,
Въ душѣ его такая-ль тишина,
Когда ему, подъ рубищемъ забвенья,
Является святая старина?
Исполненный божественной отрады,
Онъ зритъ въ мечтахъ минувшіе вѣка;
Душа кипитъ, горятъ, яснѣютъ взгляды...
И падаетъ къ струнамъ его рука.

Элегія.

Скажи, воротишься ли ты,
Моя плѣнительная радость?
Ужель моя погаснетъ младость,
Мои не сбудутся мечты?

Еще не вѣдалъ я страданій,
Еще я жизнь не разлюбилъ;
Былъ чистъ огонь моихъ желаній....
И онъ ли небо оскорбилъ?!

Не укорялъ бы я судьбины,
Я ждалъ бы смерти въ тишинѣ;
Но трепещу... ужасны мнѣ
Забвенья черныя пучины.

Дары Поэзіи святой!
Ужель вы были сновидѣнье?
Ты, жажда чести вѣковой,
И ты, къ высокому стремленье?

Двѣ картины.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда надъ нимъ свѣтило дня
Изъ синихъ водъ, какъ шаръ огня,
Встаетъ въ торжественномъ покоѣ.
Его красой озарена,
Цвѣтами радуги играя,
Лежитъ равнина водяная
Необозрима и пышна.
Прохлада утренняя вѣетъ,
Едва колышутся лѣса,
Какъ блестки золота, свѣтлѣетъ
Ихъ переливная роса.
У пробудившагося брега
Стоятъ, готовые для бѣга,
И тихо плещутъ паруса.
На лодку мрежи собирая,
Рыбакъ взываетъ и поетъ,
И пѣсня Русская, живая,
Разносится по глади водъ.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательнымъ столбомъ
Свѣтило искрится ночное
Въ его кристалѣ голубомъ.

Какъ тѣнь, отброшенная тучей,
Вдоль искривленныхъ береговъ,
Чернѣютъ образы лѣсовъ,
И кое-гдѣ огонь пловучій
Горитъ на челнахъ рыбаковъ.
Безмолвна синяя пучина,
Въ дубровахъ мракъ и тишина,
Небесъ далекая равнина
Сіянья мирнаго полна.
Лишь изрѣдка, съ богатымъ ловомъ
Подъемля сѣти изъ воды,
Рыбакъ живитъ веселымъ словомъ
Своихъ товарищей труды;
Или—путемъ дугообразнымъ—
Съ небесныхъ падая высотъ,
Звѣзда надъ озеромъ блеснетъ,
Огнемъ разсыплется алмазнымъ,
И въ отдаленьи пропадетъ.

Генiй.

Когда гремя и пламенѣя
Пророкъ на небо улеталъ—
Огонь могучiй проникалъ
Живую душу Елисея:
Святыми чувствами полна,
Мужала, крѣпла, возвышалась,
И вдохновеньемъ озарялась,
И Бога слышала она!

Такъ генiй радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Инаго генiя полетъ;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣетъ для чудесъ...
И мiру новыя свѣтила—
Дѣла избранника небесъ!

Тригорское.

(Посвящено П. А. Осиповой).

Въ странѣ, гдѣ вольные живали
Сыны воинственныхъ Славянъ;
Гдѣ гордо именемъ гражданъ
Они другъ друга называли;
Куда великая Ганза
Добро возила издалеча,
Пока Московская гроза
Не пересиливала вѣча;
Въ странѣ, которую война
Кровопролитно пустошила,
Когда Ливонски знамена
Душа геройская водила;
Гдѣ побѣждающій Стефанъ
Въ одинъ могущественный станъ
Уже сдвигалъ толпы густыя,
Да уничтожитъ Псковитянъ,
Да ниспровергнется Россія!
Но ты, къ отечеству любовь,
Ты, чѣмъ гордились наши дѣды,
Ты ополчилась... кровь за кровь...
И онъ не праздновалъ побѣды!

Въ странѣ, гдѣ славной старины
Не всѣ слѣды истреблены,
Гдѣ сердцу Русскому донынѣ
Краснорѣчиво говорятъ:
То стѣнъ полуразбитыхъ рядъ
И валъ на каменной вершинѣ,
То одинокій древній храмъ
Среди безпажитной поляны,
То благородные курганы
По зеленѣющимъ брегамъ;
Въ странѣ, гдѣ Сороть голубая,
Подруга зеркальныхъ озеръ,
Разнообразно между горъ
Свои изгибы разстилая,
Водами ясными поитъ
Поля, украшенныя нивой:
Тамъ, у раздолья, горделиво
Гора трехолмная стоитъ.
На той горѣ, среди лощины,
Передъ лазоревымъ прудомъ,
Бѣлѣется веселый домъ,
И сада темныя картины,
Село и пажити кругомъ.

Пріютъ свободнаго поэта,
Непобѣжденнаго судьбой!

Благоговѣю предъ тобой,
И даръ божественнаго свѣта,
Краса и радость лучшихъ лѣтъ,
Моя надежда и забава,
Моя любовь и честь и слава—
Мои стихи тебѣ привѣтъ!

Воспоминавіе живое
И нынѣ радуетъ меня.
Бывало, въ царственномъ покоѣ,
Великое свѣтило дня,
Во слѣдъ за раннею денницей,
Шаромъ восходитъ огневымъ,
И небеса, какъ багряницей,
Окинетъ заревомъ своимъ;
Его лучами заиграютъ
Озеръ живыя зеркала;
Поля, холмы благоухаютъ;
Съ нихъ бѣлой скатертью слетаютъ
И сонъ и утренняя мгла;
Росой перловой и зернистой
Деревъ одежда убрана;
Пернатыхъ пѣснью голосистой
Звучитъ лѣсная глубина.

Тогда, одинъ, восторга полный,
Горы прибережной съ высотъ,

Я озиралъ сей неба сводъ
Великолѣпный и безмолвный,
Сіи круги и ленты водъ,
Сіи ликующія нивы,
Гдѣ серпъ мелькалъ трудолюбивый
По золотистымъ полосамъ,
Скирды желтѣлись тамъ и тамъ,
Жнецы къ товарищамъ взывали,
И на дорогѣ вдалекѣ,
Съ холмовъ бѣгущія къ рѣкѣ
Стада пылили и блеяли.

Бывало, солнце безъ лучей
Стоитъ и рдѣетъ въ безднѣ пара,
Тяжелый воздухъ полонъ жара;
Вода чуть движется; надъ ней
Склонилась томными вѣтвями
Деревъ безжизненная тѣнь;
На полѣ жатвы, межъ скирдами,
Невольная почіетъ лѣнь,
И кони спутанные бродятъ,
И псы валяются; молчатъ
Село и холмы; душенъ садъ,
И птицы пѣсенъ не заводятъ...
Туда, туда, друзья мои!
На скатъ горы, на брегъ зеленой,

Гдѣ дремлютъ Сороти студеной
Гостепріимныя струи,
Гдѣ подъ кустарникомъ тѣнистымъ
Дугою выдалась она
По глади вогнутаго дна,
Пескомъ усыпанной сребристымъ.
Одежду прочь! Передъ челомъ
Протянемъ руки удалыя
И бухъ! Блистательнымъ дождемъ
Взлетаютъ брызги водяныя.
Какая сильная волна!
Какая свѣжесть и прохлада!
Какъ сладострастна, какъ нѣжна
Меня обнявшая Наяда!
Дышу вольнѣе, свѣтелъ взоръ,
Въ холодной нѣгѣ оживаю,
И бодръ и веселъ выбѣгаю
Травы на бархатный коверъ.

Что̀ восхитительнѣе, краше
Свободныхъ, дружескихъ бесѣдъ,
Когда за пѣнистою чашей
Съ поэтомъ говоритъ поэтъ?
Жрецы высокаго искусства,
Пророки воли божества!
Какъ независимы ихъ чувства,
Какъ полновѣсны ихъ слова!

Какъ быстро, мыслью вдохновенной,
Мечты на радужныхъ крылахъ,
Они летаютъ по вселенной
Въ былыхъ и будущихъ вѣкахъ!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смѣлыя кипятъ,
И грудь трепещетъ молодая,
И гордый вспыхиваетъ взглядъ!
Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда такъ веселы, такъ милы
Неслися наши вечера
Тамъ на горѣ, подъ мирнымъ кровомъ
Старѣйшинъ сада вѣковыхъ,
На дернѣ свѣжемъ и шелковомъ,
Въ виду окрестностей живыхъ;
Или въ тиши благословенной
Жилища Грацій, гдѣ цвѣтутъ
Каменами хранимый трудъ
И умъ изящно-просвѣщенный;
Въ часы, какъ сладостные тамъ
Дары Эвтерпы насъ плѣняли,
Какъ персты легкіе мелькали
По очарованнымъ ладамъ:
Съ нихъ звуки стройно подымались,
И въ треляхъ чистыхъ и густыхъ

Они свивались, развивались—
И сердце чувствовало ихъ!

Вотъ за далекими горами
Скрывается прекрасный день,
Отъ сѣней лѣса надъ водами,
Волнообразными рядами
Длиннѣетъ трепетная тѣнь;
Въ рѣкѣ сверкаетъ блескъ зарницы,
Пустѣютъ холмы, долъ и брегъ;
Въ село въѣзжаютъ вереницы
Поля покинувшихъ телѣгъ;
Гдѣ-гдѣ залаетъ песъ домовый,
Иль вѣтерокъ зашелеститъ
Въ листахъ темнѣющей дубровы,
Иль птица робко пролетитъ,
Иль возъ тяжелый и скрипучій,
Усталымъ движимый конемъ,
Считая бревна колесомъ,
Переступаетъ мостъ пловучій;
И вдругъ отрывной и глухой
Промчится грохотъ надъ рѣкой
Уже спокойной и дремучей—
И вдругъ замолкнетъ. Но вдали,
На краѣ неба, мѣсяцъ полный
Со всѣхъ сторонъ заволокли

Большія, облачныя волны;
Вонъ разступились, вонъ сошлись,
Вонъ грозно тихія слились
Въ одну громаду непогоды—
И на лазоревые своды,
Молніеносна и черна,
Съ востока крадется она.
Уже безмолвіе лѣсное
Налетомъ вѣтра смущено;
Уже немирно и темно
Рѣки теченіе ночное;
Широко зыблются на немъ
Тѣней раскидистыя чащи,
Какъ парусъ въ воздухѣ дрожащій,
Почти упущенный пловцомъ,
Когда внезапно буря встанетъ,
Покатитъ шумныя струи,
Рванетъ крыло его ладьи
И надъ пучиною растянетъ.

Тьма потопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнуетъ,
Взрываетъ воды и лѣса,
Гремитъ и блещетъ и бушуетъ.
Мгновенья дивныя! Когда
Съ конца въ конецъ, по тучамъ бурнымъ,
Зубчатой молніи бразда

Огнемъ разсыпается пурпурнымъ;
Все видно: цѣпь далекихъ горъ,
И разноцвѣтныя картины
Извивовъ Сороти, озёръ,
Села и брега и долины!
Вдругъ тьма угрюмѣй и чернѣй,
Удары громче громовые,
Шумнѣе, гуще и быстрѣй
Дождя потоки проливные.

Но завтра въ пышной тишинѣ,
На небо ярко-голубое
Свѣтило явится дневное,
Возставитъ утро золотое
Грозой омытой сторонѣ.

Придутъ ли дни? Увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,
О православная земля
Священныхъ памятниковъ Пскова?
Твои родныя красоты
Во имя музъ благословляю,
И вѣрнымъ счастьемъ называю
Все, чѣмъ меня ласкала ты.

Вечеръ.

Прохладенъ воздухъ былъ; въ стеклѣ спокойныхъ водъ
Звѣздами убранный лазурный неба сводъ
Свѣтился; темные покровы ночи сонной
Струились по коврамъ долины благовонной,
Надъ берегомъ, въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей
И трелилъ, и вздыхалъ, и щелкалъ соловей.

Тогда между кустовъ, какъ призраки мелькая,
Влюбленный юноша и дѣва молодая
Бродили вдоль рѣки; казалося, для нихъ
Сей вечеръ нѣжился, такъ сладостенъ и тихъ;
Для нихъ лучами звѣздъ играла водъ равнина;
Для нихъ туманами окрестная долина
Скрывалась, и въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей
И трелилъ, и вздыхалъ, и щелкалъ соловей.

Къ нянѣ А. С. Пушкина.

Свѣтъ Родіоновна, забуду ли тебя?
Въ тѣ дни, какъ сельскую свободу возлюбя,
Я покидалъ для ней и славу и науки,
И Нѣмцевъ, и сей градъ профессоровъ и скуки,—
Ты, благодатная хозяйка сѣни той,
Гдѣ Пушкинъ, не сраженъ суровою судьбой,
Презрѣвъ людей, молву, ихъ ласки, ихъ измѣны,
Священнодѣйствовалъ при алтарѣ Камены.
Всегда съ привѣтами сердечной доброты,
Встрѣчала ты меня, мнѣ здравствовала ты;
Когда чрезъ длинный рядъ полей, подъ зноемъ лѣта,
Ходилъ я навѣщать изгнанника-поэта,
И мнѣ сопутствовалъ пріятель давній твой,
Ареевыхъ наукъ питомецъ молодой.
Какъ сладостно твое святое хлѣбосольство
Намъ баловало вкусъ и жажды своевольство!
Съ какимъ радушіемъ—красою древнихъ лѣтъ—
Ты набирала намъ затѣйливый обѣдъ!

Сама и водку намъ и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тѣснотѣ стариннаго стола!
Ты занимала насъ—добра и весела—
Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разсказомъ.
Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
Мы вѣрили тебѣ, и смѣхъ не прерывалъ
Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ;
Свободно говорилъ языкъ словоохотной,
И легкіе часы летѣли беззаботно!

Ночь.

Померкла неба синева,
Безмолвны рощи и поляны;
Тамъ подъ горой, едва, едва
Бѣжитъ, журчитъ ручей стеклянный.
Царица сна и темноты,
Царица дивныхъ сновидѣній!
Какъ сладостно ласкаешь ты
Уединенныя мечты
И нѣгу вольныхъ вдохновеній!

Онъ отдыхаетъ, грѣшный свѣтъ:
Главу страдальца утомило
Однообразіе суетъ,
Страстей и чувственности милой.
О ночь! Пошли ему покой,
Даруй видѣнья золотыя,
Да упелѣянный тобой
Забудетъ онъ и шумъ дневной,
И страхи, и надежды злыя.

Но ты лампады не туши,
Не водворяй успокоенья
Тамъ, гдѣ поэтъ своей души
Свершаетъ стройныя творенья;
Пускай торжественный восходъ
Великолѣпнаго свѣтила
Его безсоннаго найдетъ,
И снова думъ его полетъ
Подыметъ божеская сила!

Пѣсня.

Изъ страны, страны далекой,
Съ Волги-матушки широкой,
Ради сладкаго труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.
Помнимъ холмы, помнимъ долы,
Наши храмы, наши селы,
И въ краю, краю чужомъ
Мы пируемъ пиръ веселый
И за родину мы пьемъ.
Благодѣтельною силой
Съ нами Нѣмцевъ подружило
Откровенное вино;
Шумно, пламенно и мило
Мы гуляемъ заодно.
Но съ надеждою чудесной
Мы стаканъ и полновѣсной
Нашей Руси—будь она
Первымъ царствомъ въ поднебесной,
И счастлива и славна!

Къ А. Н. Вульфу.

Помнишь ли, мой другъ застольный,
Какъ въ лѣсу, порою тьмы,
Праздникъ молодости вольной
Вмѣстѣ праздновали мы?
Мы лежали, хмѣля полны;
Возлѣ насъ горѣлъ костеръ;
Выли огненныя волны
И кипѣли. Братскій хоръ
Пѣсни пѣлъ; мы любовались
На товарищей: они
Веселые разбѣгались
И скакали чрезъ огни.
Въ насъ торжественно бурлила
Чародѣйственная сила
Первой, дѣвственной любви;
Мы другъ-другу объясняли
Сердца тайныя печали
И желанія свои.
Помнишь ли, какъ нѣжно-пылки,
Въ честь Воейковой, потомъ
Пили, били мы бутылки
У пруда, передъ костромъ?

Такъ я жилъ во время-оно
Здѣсь, въ Нѣмецкой сторонѣ,
Разсудительной, ученой
И когда-то милой мнѣ.
А теперь тоскѣ да лѣни
Хладнокровно предаю
Утро свѣтлыхъ вдохновенiй,
Юность добрую мою.
Не шумятъ мои досуги,
Не торопится мой трудъ....
И порой, какъ въ мой прiютъ
Загулявшiеся други
Ненарокомъ забредутъ—
Молодцовъ любезныхъ шайка
Станетъ въ кругъ, середъ двора:
Нашу праздность тѣшитъ свайка.....
Право, славная игра!
Тяжкiй гвоздь стойкомъ и плотно
Бьетъ въ кольцо; кольцо бренчитъ;
Вешнiй вечеръ беззаботно
И невидимо летитъ...
Поздно... Молча, кругъ удалый
Разойдется ради сна...
Помнишь ты? Ну, то ль бывало
Прежде, въ наши времена?!

Пловецъ.

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно;
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.

Смѣло, братья! Вѣтромъ полный
Парусъ мой направилъ я:
Полетитъ на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй.
Будетъ буря: мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней.

Смѣло, братья! Туча грянетъ,
Закипитъ громада водъ,
Выше валъ сердитый встанетъ,
Глубже бездна упадетъ.

Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина.

Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой!...
Смѣло, братья, бурей полный
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой.

Пѣсня.

Когда умру, смиренно совершите
По мнѣ обрядъ печальной и святой,
И мнѣ стиховъ надгробныхъ не пишите,
И мрамора не ставьте надо мной.

Но здѣсь, друзья, гдѣ нынѣ сходка наша
Бесѣдуетъ, разгульна и вольна,
Гдѣ весела, какъ праздничная чаша,
Душа кипитъ студенчески-шумна,—

Во славу мнѣ, вы чашу круговую
Наполните блистательнымъ виномъ,
Торжественно пропойте пѣснь родную,
И пьянствуйте о имени моемъ.

Все тлѣнъ и мигъ! Блаженъ, кому съ друзьями
Свою весну пропировать дано,
Кто видитъ міръ туманными глазами,
И любитъ жизнь за пѣсни и вино!...

Развѣтъ.

Не полонъ нашъ разгулъ, не конченъ пиръ почной;
Не всѣхъ нашъ обошелъ звукъ пѣсни круговой,
Не всѣмъ поднесены привѣтственныя чаши.
Смѣлѣй и радостнѣй заблещутъ взоры наши,
Смѣлѣй и радостнѣй воспламенится умъ;
Шумнѣе закипятъ избыткомъ чувствъ и думъ
И разбушуются живыя наши рѣчи.—
Но вотъ, златаго дня воздушныя предтечи,
Краснѣютъ облаковъ прозрачныя струи:
Покинемъ шумъ суетъ, товарищи мои,
Прервемъ бренчанье чашъ и пѣсни удалыя!
Туда, гдѣ небеса просторнѣй голубыя,
И солнечный восходъ пышнѣе изъ-за горъ
Надъ скатами лѣсовъ и купами озеръ,
Туда, на высь холма!. Тамъ, утренней прохлады
Въ живительныхъ волнахъ омоемъ наши взгляды;
Горючія уста и груди освѣжимъ.
Пойдемъ, товарищи! Оттолѣ мы узримъ,
Какъ съ розовымъ лицомъ, съ веселыми очами,
Передъ широкими своими зеркалами,
Восточной роскошью и нѣгой убрана,
Красуется земля, возставшая отъ сна.

Хоръ

ПѢТЫЙ ВЪ МОСКОВСКОМЪ БЛАГОРОДНОМЪ СОБРАНІИ, ПО СЛУЧАЮ ПРЕКРАЩЕНІЯ ХОЛЕРЫ ВЪ МОСКВѢ (1832).

Великъ Господь! Земля и неба своды
Свершители судебъ Его святыхъ!
Благословенъ, когда казнитъ народы,
Благословенъ, когда спасаетъ ихъ.

Пославшій намъ годину искушенья
Не до конца рабовъ своихъ каралъ;
Намъ возсіялъ желанный день спасенья,
День милости Господней возсіялъ.

Великъ Господь! Къ Нему сердца и руки!
Ему хвалу гласи тимпана звонъ!
Ему хвалу играйте пѣсенъ звуки!
Великъ Господь, и святъ Его законъ!

На смерть няни А. С. Пушкина.

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
Подъ коимъ межъ чужихъ гробовъ
Твой прахъ улегся, изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ.
Ты не умрешь въ воспоминаньяхъ
О свѣтлой юности моей,
И въ поучительныхъ преданьяхъ
Про жизнь поэтовъ нашихъ дней.

Тамъ, гдѣ на долъ съ горы отлогой
Разнообразно сходитъ боръ
Въ виду рѣки и двухъ озеръ
И нивъ съ извилистой дорогой,
Гдѣ, древнимъ садомъ окруженъ,
Господскій домъ уединенный
Дряхлѣетъ, памятникъ почтенный
Елисаветиныхъ временъ,—

Насъ, полныхъ юности и вольныхъ,
Тамъ было трое: два пѣвца,
И онъ, краса ночей застольныхъ,
Кипѣвшій силами бойца,
Онъ, послѣ кинувшій забавы,
Себѣ избравшій ратный путь,
И освятившій въ полѣ славы
Свою студенческую грудь.

Вонъ тамъ, обоями худыми
Гдѣ-гдѣ прикрытая стѣна,
Полъ нечиненный, два окна
И дверь стеклянная межъ ними;
Диванъ подъ образомъ въ углу,
Да пара стульевъ; столъ украшенъ
Богатствомъ винъ и сельскихъ брашенъ,
И ты, пришедшая къ столу.

Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли и порой
Къ своей веснѣ переносилась
Разгоряченною мечтой;
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждыхъ странъ,
Рѣчей напоры и отпоры,
И звонъ стакана о стаканъ.

Ужъ гаситъ ночь свои свѣтила,
Зарей алѣетъ небосклонъ;
Я помню, что-то намъ про сонъ
Давнымъ-давно ты говорила—
Напрасно! Взялъ свое Токай.
Шумнѣй удалая пирушка:
Садись-ка, добрая старушка,
И съ нами бражничать давай!

Ты разскажи намъ: въ дни былые,
Не правда ль, не на эту стать
Твои бояре молодые
Любили ночи коротать?
Не такъ бывало! Слава Богу,
Земля вертится. У людей
Все коловратно; понемногу
Все мудренѣй и мудренѣй.

И мы... Какъ дѣтство шаловлива,
Какъ наша молодость вольна,
Какъ полнолѣтіе умна,
И какъ вино краснорѣчива,
Со мной бесѣдовала ты,
Влекла мое воображенье...
И вотъ тебѣ поминовенье,
На гробъ твой свѣжіе цвѣты!

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
Подъ коимъ межъ чужихъ гробовъ
Твой прахъ улегся, изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ.
Предъ нимъ печальной головою
Склонюся, много вспомню я—
И умиленною мечтою
Душа разнѣжится моя!

Водопадъ.

Море блеска, гулъ, удары,
И земля потрясена!
То стеклянная стѣна
О скалы раздроблена;
То бѣгутъ чрезъ крутояры
Многоводной Ніагары
Ширина и глубина.

Вонъ пловецъ! Его отъ брега
Быстриною унесло;
Въ синій сумракъ водобѣга
Упираетъ онъ весло...
Тщетно... бурную стремнину
Онъ не силенъ оттолкнуть;
Далеко его въ пучину
Броситъ каменная круть.

Мирно гибели послушный,
Убралъ онъ свое весло;
Онъ потупилъ равнодушно
Безнадежное чело;

Онъ глядитъ спокойнымъ окомъ...
И къ пучинѣ волнъ и скалъ
Роковымъ своимъ потокомъ
Водопадъ его помчалъ.

Море блеска, гулъ, удары,
И земля потрясена!
То стеклянная стѣна
О скалы раздроблена,
То бѣгутъ чрезъ крутояры
Многоводной Ніагары
Ширина и глубина!

Поэту.

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный явенъ даръ,
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышущее слово:
Иди ты въ міръ,—да слышитъ онъ пророка!
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ.
Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
И не проси и не бери наградъ.
Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
И стройные, и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ.
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ.
И жизнію торжественно-высокой
Ты процвѣтешь—и будетъ вѣкъ свѣтло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око!

Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ:
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ.
Онъ на тебя немилосердно взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечутъ ихъ—и жрецъ отпрянетъ,
Дрожащій страхомъ и стыдомъ!

Подражевіе псалму XIV.

Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты;
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ;
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ передъ Нимъ.

И святъ, о Боже, Твой избранникъ!
Мечомъ ли руку ополчитъ:
Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполина сокрушитъ!
Въ вѣнцѣ ли онъ: Его народы
Возлюбятъ правду; весь и градъ

Взыграютъ радостью свободы,
И нивы златомъ закипятъ!
Возьметъ ли арфу: дивной силой
Духъ преисполнится его,
И, какъ орелъ ширококрылый,
Взлетитъ до неба Твоего!

Кубокъ.

Восхитительно играетъ
Драгоцѣнное вино!
Снѣжной пѣною вскипаетъ,
Златомъ искрится оно!
Услаждающая влага
Оживитъ тебя всего:
Вспыхнутъ радость и отвага
Блескомъ взора твоего;
Самобытными мечтами
Загуляетъ голова,
И, какъ волны за волнами,
Изъ души польются сами
Вдохновенныя слова;
Строенъ, пышенъ, міръ житейской
Развернется предъ тобой...
Много силы чародѣйской
Въ этой влагѣ золотой!
И любовь развеселяетъ
Человѣка, и она
Животворно въ немъ играетъ,
Столь же сладостно-сильна.

Въ дни прекраснаго расцвѣта
Поэтическихъ заботъ,
Ей дѣятельность поэта
Дани дивныя несетъ;
Молодое сердце бьется,
То притихнетъ и дрожитъ,
То проснется, встрепенется,
Словно выпорхнетъ, взовьется,
И куда-то улетитъ!
И, послушно, имя дѣвы
Станетъ въ лики звучныхъ словъ,
И сроднятся съ нимъ напѣвы
Вѣчно-памятныхъ стиховъ!
Дѣва-радость, величайся
Рѣдкой славою любви,
Настоящему ввѣряйся,
И мгновенія лови!
Горделивый и свободный,
Чудно пьянствуетъ поэтъ!
Кубокъ взялъ: душѣ угодны
Этотъ образъ, этотъ цвѣтъ.
Сѣлъ и налилъ; ихъ ласкаетъ
Взоромъ, словомъ и рукой;
Съ разу кубокъ выпиваетъ
И высоко поднимаетъ,

И надъ буйной головой
Держитъ. Рѣчь его струится
Безмятежно-весела,
А въ рукѣ еще таится
Жребій бреннаго стекла!

Пловецъ.

Воютъ волны, скачутъ волны!
Подъ тяжелымъ плескомъ волнъ
Прямъ стоитъ нашъ парусъ полный,
Быстро мчится легкій челнъ
И расталкиваетъ волны,
И скользитъ по склонамъ волнъ!

Ихъ, порывами вздувая,
Буря гонитъ рядъ на рядъ;
Разгулялась волновая!
Буйны головы шумятъ,
Другъ на друга набѣгая,
Отшибаяся назадъ!

Но глядите: передъ нами,
Вдоль по темнымъ облакамъ,
Разноцвѣтными зарями
Отливаясь тамъ и тамъ,
Золотыми полосами
День и небо свѣтятъ намъ.

Пронесися мракъ ненастный!
Возсіяй лазурный сводъ!
Разверни свой день прекрасный
Надо всѣмъ просторомъ водъ!
Смолкнутъ бездны громогласны,
Ихъ волненіе падетъ.

Блещутъ волны, плещутъ волны!
Подъ стекляннымъ брызгомъ волнъ
Прямъ стоитъ нашъ парусъ полный,
Быстро мчится легкій челнъ,
Раздвигая сини волны
И скользя по склонамъ волнъ!

Подраженіе псалму CXXXVI.

Въ дни плѣна, полные печали
На Вавилонскихъ берегахъ,
Среди враговъ мы возсѣдали
Въ молчаньи горькомъ и слезахъ.
Тамъ вопрошали насъ тираны,
Почто мы плачемъ и грустимъ.
„Возьмите гусли и тимпаны
И пойте вашъ Ерусалимъ“.
Нѣтъ! Свято намъ воспоминанье
О славной родинѣ своей;
Мы не дадимъ на посмѣянье
Высокихъ пѣсенъ прошлыхъ дней!
Твои, Сіонъ, они прекрасны!
Въ нихъ умъ и звукъ любимыхъ странъ!
Порвитесь струны сладкогласны,
Разбейся звонкій мой тимпанъ!
Окаменѣй языкъ лукавый,
Когда забуду грусть мою,
И пѣснь отечественной славы
Ея губителямъ спою.

А Ты, среди огней и грома
Намъ даровавшій свой законъ,
Напомяни сынамъ Эдома
День, опозорившій Сіонъ,
Когда они въ весельи дикомъ,
Убійства шумные виномъ,
Насъ оглушали грознымъ крикомъ:
„Все истребимъ, всѣхъ поженемъ“!
Блаженъ, кто смѣлою десницей
Оковы плѣна сокрушитъ,
Кто плачъ Израиля сторицей
На притѣснителяхъ отмститъ!
Кто въ домъ тирана мечъ и пламень
И смерть ужасную внесетъ,
И съ яркимъ хохотомъ о камень
Его младенцевъ разобьетъ!

Конь.

Жадно, весело онъ дышетъ
Свѣжимъ воздухомъ полей.
Сизый паръ кипитъ и пышетъ
Изъ пылающихъ ноздрей;
Полонъ силъ, удалъ на волѣ,
Громкимъ голосомъ заржалъ,
Встрепенулся конь—и въ поле
Бурноногій поскакалъ!
Скачетъ, блещущій глазами,
Дико голову склонилъ;
Вдоль по вѣтру онъ волнами
Черну гриву распустилъ.
Самъ какъ вѣтеръ. Круть ли встанетъ
На пути? Отважный прянетъ—
И на ней ужъ! Ляжетъ ровъ
И потокъ клубится? Мигомъ,
Онъ широкимъ перепрыгомъ
Черезъ нихъ—и былъ таковъ!

Веселися, конь ретивый!
Щеголяй избыткомъ силъ!
Не надолго волны гривы
Вдоль по вѣтру ты пустилъ!
Не надолго жизнь и воля
Разомъ бурному даны,
И холодный воздухъ поля,
И отважны крутизны,
И стремнины роковыя...
Скоро, скоро подъ замокъ!
Тѣшь копыта удалыя,
Свой могучій бѣгъ и скокъ!

Снова въ дѣло, конь ретивой!
Въ сбруѣ легкой и красивой,
И блистающій сѣдломъ,
И бренчащій поводами,
Стройно-вѣрными шагами
Ты пойдешь подъ сѣдокомъ.

Пѣсня.

Онъ былъ поэтъ: безпечными глазами
Глядѣлъ на міръ и міру былъ чужой!
Онъ сладостно бесѣдовалъ съ друзьями;
Онъ красоту боготворилъ душой;
Онъ воспѣвалъ счастливыми стихами
Харитъ, вино, и дружбу, и покой.

Блаженъ, кто зналъ разумное веселье,
Чья жизнь была свободна и чиста,
Кто съ Музами дѣлилъ свое бездѣлье,
Кому любви прохладныя уста
Свѣвали съ вѣждъ недолгое похмѣлье,
И съ нимъ—его довольная мечта!

И въ честь ему, на будущія лѣта
Не худо бы сей учредить обрядъ:
Порою звѣздъ и мѣсячнаго свѣта
Мы сходимся въ благоуханный садъ,
И тамъ поемъ любовный гимнъ поэта,
И до утра фіалы прозвенятъ.

Пусть видитъ міръ, какъ нашихъ поминаютъ,
Какъ иногда свирѣли громъ простой
Да скромный хмѣль и миртъ переживаютъ
Побѣдный звукъ и памятникъ златой,
И многіе, ужъ за-одно, познаютъ,
Что̀ называть мірскою суетой.

Воспоминаніе объ А. А. Воейковой.

Ея ужъ нѣтъ, но рай воспоминаній
Священныхъ мнѣ оставила она.
Вонъ чуждый брегъ и мирный храмъ познаній,
Каменами любимая страна;
Тамъ смѣлый гость свободы просвѣщенной,
Пѣвецъ вина, и дружбы, и прохладъ,
Настроилъ я, младый и вдохновенный,
Мои стихи на самобытный ладъ—
И вторились напѣвы удалые
При говорѣ фіаловъ круговыхъ!
Тамъ грудь моя наполнилась впервыя
Волненьемъ чувствъ завѣтныхъ и живыхъ,
И трепетомъ томительнымъ и страстнымъ,
Божественной и сладостной любви.
Я счастливъ былъ: мелькали дни мои
Летучимъ сномъ, замавчивымъ и яснымъ.

А вы, пѣвца внимательные други,
Товарищи, какъ думаете вы?
Для васъ я пѣлъ Нѣмецкіе досуги,
Спѣсивый хмѣль ученой головы,
И праздникъ тотъ, шумящій ежегодно,
Тамъ у пруда, на бархатѣ луговъ,

Гдѣ обогнулъ заливъ голубоводной
Зеленый скатъ лѣсистыхъ береговъ?
Луна взошла, древа благоухали,
Зефиръ весны струилъ ночную тѣнь,
Костеръ пылалъ—мы долго пировали
И бурные привѣтствовали день!
Товарищи! Не правда ли? На пирѣ
Не рознилъ вамъ лирическій поэтъ?
А этотъ пиръ не наобумъ воспѣтъ,
И вы моей порадовались лирѣ!—
Нѣтъ, не для васъ! Она меня хвалила,
Ей нравились разгульный мой вѣнокъ,
И младости заносчивая сила,
И пламенныхъ восторговъ кипятокъ.
Когда она игривыми мечтами,
Радушная, преслѣдовала ихъ;
Когда она, веселыми устами,
Мой счастливый произносила стихъ:
Торжественна, полна очарованья,
Свѣжа, и гдѣ была душа моя!

О, прочь мои грядущія созданья,
О, горе мнѣ, когда забуду я
Огонь ея привѣтливаго взора,
И на челѣ избытокъ стройныхъ думъ,
И сладкій звукъ рѣчей, и свѣтлый умъ
Въ ліющемся кристалѣ разговора!

Ея ужъ нѣтъ! Все было въ ней прекрасно!
И тайна въ ней великая жила,
Чтò юношу стремило самовластно
На видный путь и чистыя дѣла.
Онъ чувствовалъ: возвышенныя блага
Есть на землѣ!—есть цѣлый міръ труда,
И въ немъ надеждъ и помысловъ отвага,
И бытіе привольное всегда!
Блаженъ, кого любовь ея ласкала,
Кто пѣлъ ее подъ небомъ лучшихъ лѣтъ....
Она всего поэта понимала!
И гордъ, и тихъ, и трепетенъ поэтъ
Ей приносилъ свое боготворенье;
И радостно во имя божества
Сбирались въ хоръ созвучныя слова,
Какъ ѳиміамъ, горѣло вдохновенье!

Безсонница.

Чтò мечты мои волнуетъ
На привычномъ ложѣ сна?
На лицо и грудь мнѣ дуетъ
Свѣжимъ воздухомъ весна;
Тихо очи мнѣ цѣлуетъ
Полуночная луна.

Ты ль, прiютъ восторгамъ нѣжнымъ,
Радость юности моей,
Ангелъ взоромъ безмятежнымъ,
Ангелъ прелестью очей,
Персей блескомъ бѣлоснѣжнымъ,
Мягкихъ золотомъ кудрей?

Ты ли мнѣ любви мечтами
Прогоняешь мирны сны?
Ты ли свѣжими устами
Навѣваешь свѣтъ луны,
Скрыта легкими тѣнями
Соблазнительной весны?

Благодатное видѣнье,
Тихій ангелъ! Успокой,
Усыпи души волненье,
Чувства жаркія напой
И даруй мнѣ утомленье,
Освященное тобой!

Денису Васильевичу Давыдову.

Жизни баловень счастливый,
Два вѣнка ты заслужилъ!
Знать Суворовъ справедливо
Грудь тебѣ перекрестилъ.
Не ошибся онъ въ дитяти:
Выросъ ты—и полетѣлъ,
Полонъ всякой благодати,
Подъ знамена Русской рати,
Гордъ и радостенъ и смѣлъ.

Грудь твоя горитъ звѣздами.
Ты геройски добылъ ихъ
Въ жаркихъ схваткахъ со врагами,
Въ ратоборствахъ роковыхъ.
Воинъ смлада знаменитый,
Ты еще подъ Шведомъ былъ,
И на Финскіе граниты
Твой скакунъ звучнокопытый
Блескъ и топотъ возносилъ.

Жизни бурно·вели чавой
Полюбилъ ты шумъ и трудъ:
Ты ходилъ съ войной кровавой
На Дунай, на Бугъ и Прутъ.
Но тогда лишь собиралась
Прямо-Русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалекѣ—и къ намъ примчалась
Разрушительно-грозна.

Чу, труба продребезжала!
Русь, тебѣ надменный зовъ!
Вспомяни жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ!
Созови изъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ осми твоихъ морей!

Пламень въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь впередъ!
Громче буря истребленья,

Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксовъ костеръ!

Гдѣ же вы, незванны гости,
Сильны славой и числомъ?
Снѣгъ засыпалъ ваши кости!
Вамъ почетный былъ пріемъ!
Упилися, еле живы,
Вы въ Московскихъ теремахъ;
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодныхъ пустыряхъ!

Вы отвѣдать Русской силы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли!
Иль не стало на могилы
Вамъ отеческой земли?
Много въ этотъ годъ кровавый,
Въ эту смертную борьбу,
У враговъ ты отнялъ славы,
Ты боецъ чернокудрявый,
Съ бѣлымъ локономъ на лбу!

Удальцовъ твоихъ налетомъ
Ты, ихъ честь, примѣръ и вождь—

По лѣсамъ и по болотамъ,
Днемъ и ночью, въ вихрь и дождь,
Сквозь огни и дымъ пожара,
Мчалъ врагамъ, съ твоей толпой
Вездѣсущъ, какъ Божья кара,
Страхъ нежданнаго удара
И нещадный, дикій бой!

Лучезарна слава эта,
И конца не будетъ ей!
Но такія жъ многи лѣта
И поэзіи твоей:
Не умретъ твой стихъ могучій,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучій,
И воинственно-летучій,
И разгульно-удалой.

Нынѣ ты на лонѣ мира:
И любовь и тишину
Намъ поетъ златая лира,
Гордо пѣвшая войну.
И какъ прежде громогласенъ
Былъ ея воинскій ладъ:
Такъ и нынѣ свѣжъ и ясенъ,
Такъ и нынѣ онъ прекрасенъ,
Полный нѣги и прохладъ.

Петру Васильевичу Кирѣевскому.

Да гдѣ же ты, мой Петръ, скажи? Ужели снова
Оставилъ тишину родительскаго крова,
И снова на чужихъ, далекихъ берегахъ
Одинъ, у мыслящей Германіи въ гостяхъ,
Сидишь, препогруженъ своей послушной думой
Во глубь премудрости туманной и угрюмой?
Или спѣшишь въ Карлсбадъ здоровье освѣжать
Бездѣльемъ, воздухомъ, движеньемъ? Иль опять,
Своенародности подвижникъ просвѣщенный,
Съ ученымъ фонаремъ исторіи, смиренно
Ты древлерусскіе обходишь города,
Дѣятеленъ и милъ и одинакъ всегда?

О, дозовусь ли я тебя, мой несравненный,
Въ мои края и въ мой пріютъ благословенный?
Со мною ждутъ тебя свобода и покой,
Двѣ добродѣтели судьбы моей простой,
Уединеніе, лѣнивки пуховыя,
Халатъ, рабочій столъ и книги выписныя.

Ты здѣсь найдешь пруды, болота и лѣса,
Ружье и умнаго охотничьяго пса.
Здѣсь благодатное убѣжище поэта
Отъ пошлости градской и треволненій свѣта.
Мы будемъ чувствовать, и мыслить, и мечтать,
Былыя, свѣтлыя надежды пробуждать,
И обновленныя еще живѣй и краше,
Онѣ воспламенятъ воображенье наше,
И снова будетъ міръ плѣнительный готовъ
Для розысковъ твоихъ и для моихъ стиховъ.

Молитва.

(о сестрѣ).

Моей лампады одинокой
Не потушай, свѣтило дня!
Пускай продлится сонъ глубокой
И ночь глухая вкругъ меня!
Моей молитвенной лампады
При догорающемъ огнѣ,
Позволь еще забыться мнѣ,
Позволь еще вкусить отрады:
Молиться Богу за нее,
Его прелестное созданье,
Мое любимое мечтанье
И украшеніе мое!
Да жизни мирной и надежной
Онъ дастъ ей счастье на землѣ,
И въ сердцѣ пламень безмятежный,
И ясность мыслей на челѣ!
И дастъ ей вѣрнаго супруга,
Младаго, чистаго душой,

И съ нимъ семейственный покой
И въ немъ привѣтливаго друга;
И дастъ почтительныхъ дѣтей,
Здоровыхъ, умныхъ и красивыхъ,
И дочерей благочестивыхъ,
И великодушныхъ сыновей!

Но ты взошло. Сіяньемъ чистымъ
Ты озарило небеса,
И блещетъ пурпуромъ златистымъ
Ихъ величавая краса;
И воды пышно заструились,
Играя отблескомъ небесъ,
И свѣжихъ звуковъ полонъ лѣсъ;
Поля и холмы пробудились!
О, будь вся жизнь ея свѣтла
Какъ этотъ сводъ лазури ясной,
Высокій, тихій и прекрасной,
Живая Господу хвала!

Дмитрію Петровичу Ознобишину.

Гдѣ ты странствуешь? Гдѣ нынѣ,
Мой поэтъ и полиглотъ,
Повѣряешь длинный счетъ?
Чай въ какой-нибудь пустынѣ,
На брегу безславныхъ водъ,
Гдѣ растительно живетъ
Человѣкъ, гдѣ и въ поминѣ
Нѣтъ возвышенныхъ заботъ!

Или кони рѣзвоноги
Мчатъ тебя съ твоей судьбой,
Въ дождь осенній, въ тьмѣ ночной
По извилинамъ дороги
Нелюдимой и лѣсной?
Иль на отдыхъ миговой
Входишь ты подъ кровъ убогій,
И гражданственность съ тобой?

Вотъ салфеткой иностранной
Столъ накрытъ. Блестятъ на немъ
Яркимъ златомъ и сребромъ
Чашки. Чай благоуханный

Льется свѣтлымъ янтаремъ,
И сидишь ты за столомъ,
Утомленный и туманный,
Въ забытьи глухонѣмомъ!

Ночь прошла. Смотри: алѣетъ
Озарившійся востокъ.
Ты проснулся, путь далекъ!
На лицо тебѣ ужъ вѣетъ
Ранній утра холодокъ;
Скоро скачешь ты, и въ срокъ
На почтовый дворъ поспѣетъ
Мой дѣятельный ѣздокъ!

О, когда на жизнь иную
Промѣняешь ты, поэтъ,
Эту порчу юныхъ лѣтъ,
Эту сволочь дѣловую
Прозаическихъ суетъ?
Бога нашего тутъ нѣтъ!
Брось ее, да золотую
Лиру вновь услышитъ свѣтъ!

Морская тоня.

Море ясно, море блещетъ;
Но уже, то здѣсь, то тамъ,
Тѣнь налетная трепещетъ,
Пробѣгая по зыбямъ.
Вдругъ поднимутся и хлынутъ
Темны водныя струи,
И высоко волны вскинутъ
Гребни бѣлые свои.
Буря будетъ, тучи грянутъ,
И пучина зареветъ.
Рыбаки проворно тянутъ
Неводъ на берегъ изъ водъ.
Грузно! Что ты, сине море,
Дало имъ за тяжкій трудъ?
Много ты въ своемъ просторѣ
Водишь рыбъ и всякихъ чудъ;
Много камней самоцвѣтныхъ,
Жемчуговъ и янтарей,
Драгоцѣнностей несмѣтныхъ,
Соблазняющихъ людей,

Въ роковой твоей пучинѣ,
Бережетъ скупое дно.
Что жъ ты дало ль, море сине,
Рыбакамъ хоть на вино?

Неводъ вытащенъ. Немного
Обитателей морскихъ.
Отъ сокровищъ бездны строгой
Нѣтъ подарковъ дорогихъ!
Вотъ лежитъ, блестя глазами,
Злой, прожорливый мокой
Съ костоломными зубами!
Вотъ огромный блинъ морской
Красноносый, красногубый,
Съ отвратительнымъ хвостомъ!
Да скатавшагося въ клубы,
На раздольѣ волновомъ,
Воза съ два морскаго сору,
И одинъ морской паукъ.
А тащили словно гору,
А трудились сотни рукъ!

Море стихло, море ясно;
Въ хрусталѣ его живомъ
Разыгрался день прекрасной
Златомъ, пурпуромъ, огнемъ.

Видомъ моря любоваться
Собралась толпа гостей.
Ей мѣшаютъ наслаждаться
Рыбаки: бѣгутъ за ней
И канючатъ, денегъ просятъ.
Бѣднякамъ изъ бездны водъ
Сѣти длинныя выносятъ
Непитательный доходъ!

Буря.

Громадныя тучи нависли широко
Надъ моремъ и скрыли блистательный день;
И въ синюю бездну спустилась глубоко
И въ ней улеглася тяжелая тѣнь.
Но бездна морская уже негодуетъ:
Ей хочется свѣта, и ропщетъ она,
И скоро, могучая, встанетъ грозна;
Пространно и громко она забушуетъ.

Великую силу уже подымая,
Полки она строитъ изъ водныхъ громадъ;
И валъ-великанъ, головою качая,
Становится въ рядъ, и ряды говорятъ;
И вотъ свои смуглыя лица нахмуря,
И бѣлыя гребни колебля, они
Идутъ. Въ черныхъ тучахъ блеснули огни,
И громъ загудѣлъ. Начинается буря!

Элегія

День ненастный, темный; тучи
Низко, низко надъ горой,
Вялы, тихи и плакучи,
Длинной тянутся грядой;
Садъ безлюденъ, смолкли птицы,
Дерева дождемъ шумятъ:
Двѣ красавицы-дѣвицы,
Двѣ пѣвуньи, двѣ сестрицы
Не пойдутъ сегодня въ садъ!

А вчера онѣ, при треляхъ
Соловья и при лунѣ,
Тамъ летали на качеляхъ
Соблазнительно однѣ;
И качели ихъ качаютъ
Мягко, будто на рукахъ:
Осторожно поднимаютъ,
Осторожно опускаютъ
Быстролетный свой размахъ!

А вчера поклонникъ скромный
Грацій, медикъ молодой,
Удовольственно и томно
Любовался ихъ игрой;
И размашисто качалась,
Какъ онѣ, его мечта,
Поднималась, опускалась:
Ей легко передавалась
Ихъ летаній быстрота.

День ненастный, день враждебный
Очарованнымъ сердцамъ,
И ходьбѣ многоцѣлебной,
И лѣкарственнымъ водамъ!
Но за то въ немъ нѣтъ томленья,
Лѣни, жару; онъ здоровъ
Мнѣ въ тиши уединенья,
Для свободы размышленья,
Для писанія стиховъ.

Ундина.

Когда невесело осенній день взойдетъ
И хмурится; когда и дождикъ ливмя льетъ,
И снѣгъ летитъ, какъ пухъ, и окна залѣпляетъ;
Когда каминъ уже гудитъ и озаряетъ
Янтарнымъ пламенемъ смиренный твой пріютъ,
И у тебя тепло; а твой любимый трудъ,
Отъ скуки и тоски заступникъ твой надежной,
А тихая мечта, милѣе дѣвы нѣжной,
Привыкшая тебя ласкать и утѣшать,
Уединенія краса и благодать,
Чуждается тебя; бездѣйственно и сонно
Идетъ за часомъ часъ, и ты неугомонно
Кручинишься: тогда будь дома и одинъ,
Стола не уставляй богатствомъ Рейнскихъ винъ,
И жженки изъ вина, изъ сахару, да рому,
Ты не вари (съ нея бываетъ много грому),
И не зови твоихъ товарищей-друзей
Пображничать съ тобой до утреннихъ лучей.
Друзья, они придутъ и шумно запируютъ,
Соткнутся чаши въ ладъ, тебя наименуютъ,

И пѣсню запоютъ во славу лучшихъ лѣтъ;
Развеселишься ты, а можетъ-быть и нѣтъ
(Случалося, что хмѣль усиливалъ кручину).
Ихъ не зови; читай Жуковскаго Ундину.
Она тебя займетъ и освѣжитъ; ты въ ней
Отраду вѣрную найдешь себѣ скорѣй.
Ты будешь полонъ силъ и тишины высокой,
Какихъ не дастъ тебѣ ни твой разгулъ широкой,
Ни пѣсня юности, ни чашъ заздравный звонъ,
И былъ твой грустный день, какъ быстролетный
сонъ!

Къ стихамъ моимъ.

Небо знойно, воздухъ мутенъ,
Горный ключъ чуть-чуть журчитъ,
Садъ тѣнистый безпріютенъ,
Не шелохнетъ и молчитъ.

Попечитель винограда,
Лѣтній жаръ ко мнѣ суровъ;
Онъ противенъ мнѣ измлада,
Онъ, томящій до упада,
Рыжій врагъ моихъ стиховъ.

Ну-те, братцы, вольно, смѣло!
Собирайся рать моя!
Намъ давно пора за дѣло;
Ну, проворнѣе, друзья!

Неповертливо и ломко
Слово жмется въ мѣрный строй
И выходитъ стихъ неёмкой,
Стихъ растянутый, негромкой
Сонный, слабый и плохой.

Право лучше знаменитой
Нашъ морозъ! Хоть онъ порой
И стучится къ намъ сердито,
Но тогда каминъ со мной.

Мнѣ тепло, и горя мало;
Хорошо душѣ тогда:
Въ стихъ слова идутъ не вяло,
Строенъ, крѣпокъ онъ удало
И способенъ хоть куда!

Девятое Мая 1839.

То ли дѣло, какъ бывало
Въ Дерптѣ шумно, разудало
Отправлялъ я этотъ день!
Русскихъ насъ тамъ было много,
Жили мы тогда нестрого.
Собрались мы въ садъ, подъ тѣнь,
На лугу кружкомъ сидѣли.
Ужъ мы пили, ужъ мы пѣли!
Въ удовольствіи хмѣльномъ
Самъ стихи мои читалъ я,
И читанье запивалъ я
Сокрушительнымъ питьемъ.
И друзья меня ласкали:
Мнѣ они рукоплескали,
И за здравіе мое
Чаши чокалися звонко,
Чаши, налитыя жженкой.
Безподобное житье!

Гдѣ жъ я нынѣ? Какъ жестоко,
Какъ внезапно, одиноко,

От҃ моихъ счастливыхъ дней
Унесенъ я въ страны дальни,
Путешественникъ печальный,
Невеликій Одиссей!
Рейнъ увижу! Старецъ славный,
Онъ Дунаю братъ державный,
Онъ студентамъ доброхотъ;
На своихъ коняхъ перьяныхъ,
На своихъ волнахъ стеклянныхъ
Онъ меня перевезетъ
Въ садъ веселый и богатый,
На холмы и горны скаты
Виноградниковъ своихъ.

Тамъ остатки величавы
Вѣры, мужества и славы
Воеваталей былыхъ;
Тамъ въ тиши, въ виду ихъ дерзкихъ
Стѣнъ и башенъ кавалерскихъ,
Племя смирное цвѣтетъ,
И поэтъ изъ странъ далекихъ,
Съ водъ глубокихъ и широкихъ,
Съ водъ великихъ, съ Волжскихъ водъ,
Я тебѣ, многовѣнчанный
Старецъ-Рейнъ, вѣнокъ нежданный
Изъ стиховъ моихъ совью!

И для гостя дорогаго,
Изъ ведра заповѣднаго,
Рюмку синюю твою
Вѣковымъ виномъ нальешь ты;
И поэту поднесешь ты.
Помню я: въ твоемъ винѣ
Много жизни, много силы;
Но, увы мнѣ, старецъ милый,
Пить его уже не мнѣ!

Гастуна.

Такъ, вотъ она, моя желанная Гастуна,
Издревле славная, Gastuna tantum una
Чудесной силою цѣлительныхъ ключей!
Великій Парацельсъ, мудрѣйшій изъ врачей,
Глубокомысленный таинственникъ природы,
Уже изслѣдовалъ живыя эти воды;
Онъ хвалитъ ихъ, и самъ предписывалъ больнымъ,
И вновь они цвѣли здоровьемъ молодымъ.
Великій человѣкъ! Хвала его не втунѣ:
Донынѣ многіе находятъ лишь въ Гастунѣ
Возстановленіе своихъ упадшихъ силъ.
И я изъ дальнихъ странъ къ ея ключамъ спѣшилъ,
Въ предѣлъ подоблачный, на этотъ воздухъ горный,
Прохладно-сладостный, чудесно-животворный!....

Элегія.

Толпа ли дѣвочекъ крикливая, живая,
На фабрику сучить сигары поспѣшая,
Шумитъ по улицѣ; иль добрый нашъ сосѣдъ,
Окончивъ чтеніе сегодняшнихъ газетъ,
Уже глядитъ въ окно и тихо созерцаетъ,
Какъ близъ него кузнецъ подковы подшиваетъ
Коровѣ иль ослу; иль пара дюжихъ псовъ
Тележку полную капусты и бобовъ
Тащитъ по мостовой, работая всей силой;
Служанка-ль, красота развившаяся мило,
Склонилась надъ ведромъ, готова мыть крыльцо,
А холодъ между тѣмъ румянитъ ей лицо,
А вѣтренный зефиръ заигрываетъ съ нею,
Теребитъ съ плечь платокъ и раскрываетъ шею,
Прельщенный пышностью живыхъ лилей и розъ;
Повозникъ ли, бичомъ пощелкивая, возъ
Высокой, громоздкой и длинной-передлинной,
Гдѣ нѣсколько семей подъ крышкою холстинной,
Разнобоярщина изъ многихъ странъ и мѣстъ,
Нашли себѣ весьма удобный переѣздъ,
Свой полновѣсный возъ къ гостинницѣ подводитъ,

И самъ почтенный Дицъ встрѣчать его выходитъ,
И Золотой Сарай хлопочетъ и звонитъ;
Иль вдругъ вся улица народомъ закипитъ,
Торжественно идетъ музыка боевая;
За ней гражданскій полкъ, воинственно ступая,
Въ великолѣпіи, въ порядкѣ строевомъ
Красуется, неся Ганавскій огнь и громъ
(Защита вѣчныхъ правъ, полезное явленье);
Торопится ль въ нашъ домъ на страстное сидѣнье
Прелестница, франтя нарядомъ щегольскимъ,
И новымъ зонтикомъ, и платьемъ голубымъ,
Та бѣлотѣлая и сладостная Дора...
Взойдетъ ли ясная осенняя аврора,
Или туманный день печаленъ и сердитъ,
И снѣгомъ и дождемъ въ окно мое стучитъ—
И чтò бъ ни дѣлалось передо мною: муки
Однѣ и тѣжъ со мной! Возьму ли книгу въ руки,
Берусь ли за перо: всегда со мной тоска.
Пора же мнѣ домой.... Россія далека!
И трудно мнѣ дышать, и сердце замираетъ.
Но никогда меня тоска не угнетаетъ
Такъ сокрушительно, такъ грубо, какъ въ тотъ часъ,
Когда вечерній лучъ давно уже погасъ,
Когда все спитъ, когда одни мои лишь очи
Не спятъ, лишенныя благословеній ночи.

Элегія.

Здѣсь горы съ двухъ сторонъ стоятъ, какъ двѣ
стѣны;
Межъ ними тѣсный долъ и царство тишины—
Однообразіе въ глуши уединенья.
Градскія суеты, градскія наслажденья
Здѣсь рѣдко видятся и слышатся. Порой
Пройдетъ съ курантами потѣшникъ площадной,
Старикъ, усердный жрецъ и музыки, и Вакха;
Пройдетъ комедія: сынъ Брута или Гракха,
И свищетъ онъ въ свирѣль, и бьетъ онъ въ барабанъ
Ведя полдюжины голодныхъ обезьянъ.
Тоска несносная!
Но есть одна отрада:
Между густыхъ вѣтвей общественнаго сада
Мелькаетъ легкая, летучая, какъ тѣнь,
Красавица; свѣтла и весела, какъ день,

Она живительно бодритъ и поднимаетъ
Мой падающій духъ; она воспламеняетъ
Во мнѣ желаніе писать стихи ей въ честь,
Стихи любовные. Еще отрада есть:
Вотъ вечеръ, воздухъ свѣжъ, деревья потемнѣли,
И, чу! поетъ она; серебряныя трели,
Играя и кружась, взвиваясь надо мной,
Манятъ, зовутъ меня волшебно въ міръ иной,
Въ мои былые дни, и нѣга въ грудь мнѣ льется,
И сладко, сладко мнѣ, а сердце такъ и бьется!....

Къ Рейну.

Я видѣлъ, какъ бѣгутъ твои зелены волны.
Онѣ, при вешнемъ свѣтѣ дня,
Играя и шумя, летучимъ блескомъ полны,
Качали ласково меня.
Я видѣлъ яркія, роскошныя картины:
Твои изгибы, твой просторъ,
Твои веселые каштаны и раины,
И виноградъ по склонамъ горъ,
И горы, и на нихъ высокія могилы
Твоихъ былыхъ богатырей,
Могилы рыцарства, и доблести, и славы
Давно, давно минувшихъ дней!
Я Волжанинъ. Тебѣ привѣты Волги нашей
Принесъ я. Слышалъ ты объ ней?
Великъ, прекрасенъ ты; но Волга больше, краше,
Великолѣпнѣе, пышнѣй,
И глубже, быстрая, и шире, голубая!
Не такъ, не такъ она бурлитъ,
Когда подымется погодка верховая,
И бѣлый валъ заговоритъ!

А какова она, шумящихъ волнъ громада,
Весной, какъ съ выси береговъ
Черезъ ея разливъ не перекинешь взгляда,
Чрезъ море водъ и островов!
По царству и рѣка!...
Тебѣ привѣтъ заздравный
Ея, властительницы водъ,
Обширныхъ Русскихъ водъ, простершей ходъ свой славный,
Всегда торжественный свой ходъ,
Между холмовъ, и горъ, и доловъ многоплодныхъ,
До темныхъ Каспія зыбей!
Привѣты и ея притоковъ благородныхъ,
Ея подручницъ и князей.
Тверцы, которая безбурными струями
Лелѣетъ тысячи судовъ,
Идущихъ пестрыми, красивыми толпами
Подъ звучнымъ пѣніемъ пловцовъ.
Тебѣ привѣтъ Оки поемистой, дубравной,
Въ раздольѣ Муромскихъ песковъ
Текущей царственно, блистательно и плавно,
Въ виду почтенныхъ береговъ,—
И храмы древніе съ лучистыми главами
Глядятся въ ясны глубины,
И тихій благовѣстъ несется надъ водами,
Завѣтный голосъ старины!

Суры, красавицы задумчиво бродящей,
То въ густоту своихъ лѣсовъ
Скрывающей себя, то на поляхъ блестящей
Подъ опахаломъ парусовъ.
Свіяги пажитной, игривой и безсонной,
Среди хозяйственныхъ заботъ,
Любящей стукъ колесъ и плескъ неугомонной,
И гулъ работающихъ водъ.
Тебѣ привѣтъ изъ странъ Біарміи далекой,
Привѣтъ царицы хладныхъ рѣкъ,
Той Камы сумрачной, широкой и глубокой,
Чей сильный, бурный водобѣгъ,
Подъ кликами орловъ свои валы сѣдые
Катя въ кремнистыхъ берегахъ,
Несетъ желѣзо, лѣсъ и горы соляныя
На исполинскихъ ладіяхъ.
Привѣтъ Самары, чье теченіе живое
Не слышно въ говорѣ гостей,
Ссыпающихъ въ суда богатство полевое,
Пшеницу—золото полей;
Привѣтъ проворнаго, лихаго Черемшана,
И двухъ Иргизовъ луговыхъ,
И тихоструйнаго, привольнаго Сызрана,
И всѣхъ и большихъ, и меньшихъ,
Несмѣтныхъ данниковъ и данницъ величавой,
Державной сѣверной рѣки,

Привѣты я принесъ тебѣ!... Теки со славой,
Князь многихъ рѣкъ, свѣтло теки.
Блистай, красуйся, Рейнъ! Да ни грозы военной,
Ни пѣсенъ радостныхъ врага
Не слышишь вѣчно ты; да миръ благословенный
Твои покоитъ берега!
Да сладостно, на нихъ мечтая и гуляя,
Въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей,
Цѣлуются любовь и юность удалая
При звонѣ синихъ хрусталей!

Альпійская пѣсня.

НА ГОЛОСЪ: „МАЛБРУКЪ ВЪ ПОХОДЪ ПОѢХАЛЪ“.

Изъ тишины глубокой
Родимаго села
Судьба меня жестоко
На Альпы занесла,

Гдѣ шаткія дороги
Прилѣплены къ горамъ,
И скачутъ козероги
По горнымъ крутизнамъ,

Гдѣ лѣсъ шумитъ дремучій
Высоко близъ небесъ,
И сумрачныя тучи
Цѣпляются за лѣсъ,

Гдѣ ярко на вершинахъ
Блистаетъ вѣчный снѣгъ,
И вторится въ долинахъ
Ручьевъ гремучій бѣгъ.

И вотъ она Гастуна,
Куда стремился я,
Gastuna tantum una,
Желанная моя!

Плохое новоселье,
Домовъ и хижинъ рядъ....
Надъ бездною въ ущельѣ
Они такъ и висятъ!

И словно звѣрь свирѣпый
Рѣка межъ нихъ реветъ,
Бѣгущая въ вертепы
Съ подоблачныхъ высотъ.

И шумъ безпрестанный,
И стонъ стоитъ въ горахъ,
И небеса туманны,
И горы въ облакахъ.

Морское купанье.

Изъ бездны морской бѣлоглавая встала
Волна, и лучами прекраснаго дня
Блеститъ подвижная громада кристала,
И тихо, качаясь, идетъ на меня.
Вотъ словно въ раздумьи, она отступила,
Вотъ, берегъ она подъ себя подкатила,
И выше сама поднялась и падетъ;
И громомъ, и пѣной пучинная сила,
Холодная, бурно меня охватила,
Кружитъ, и бросаетъ, и душитъ, и бьетъ...
И стихла. Мнѣ любо. Изъ грома, изъ пѣны
И холода, легокъ и свѣжъ, выхожу:
Живѣе мои выпрямляются члены,
Вольнѣе дышу, веселѣе гляжу
На берегъ, на горы, на свѣтлое море.
Мнѣ чудится, словно прошло мое горе,
И юность, такая жъ какъ прежде была,
Во мнѣ встрепенулась, и жизнь моя снова
Гулять, распѣвать, красоваться готова
Свободна, безпечна, рѣзва, удала.

Пѣсня Балтійскимъ водамъ.

Пою васъ, Балтійскія воды! Вы краше
Другихъ величайшихъ морей;
Лазурно-широкое зеркало ваше
Свободнѣе, чище, свѣтлѣй.

На немъ не крутятся огромныя льдины,
Въ щепы разбивая суда;
На немъ не блуждаютъ холмы и долины
И горы полярнаго льда;

Въ немъ нѣтъ плотоядныхъ и лютыхъ чудовищъ
И мерзостныхъ гадовъ морскихъ;
Но много прелестныхъ и милыхъ сокровищъ—
Приволъ янтарей золотыхъ

И рыбы вкуснѣйшей! Балтійскія воды,
На вольной лазури своей
Носили вы часто въ старинные годы
Станицы Норманскихъ ладей.

Слыхали вы пѣсни побѣдныя Скальда
И буйные крики войны,
И пѣсню любви удалаго Гаральда,
Пѣвца непреклонной княжны.

Носили вы древле и грузы богатства
На Русь изъ Нѣмецкой земли,
Когда, сограждане Ганзейскаго братства,
И Псковъ, и Новгородъ цвѣли.

И нынѣ вы носите грозные флоты;
Не рѣдко въ строю боевомъ
Гуляютъ на васъ громовые оплоты
Столицы, созданной Петромъ,

И тысячи, тьмы росписныхъ пароходовъ
И всякихъ торговыхъ судовъ
Съ людьми и вещами всѣхъ царствъ и народовъ
Изъ дальнихъ и ближнихъ краевъ.

О, вы достославны и въ новые годы,
Какъ прежде. Но пѣсню мою,
Похвальную пѣсню, Балтійскія воды,
Теперь я за то вамъ пою,

Что вы, въ ту годину, когда бушевала
На васъ непогода,—она

Ужасна, сурова была: подымала
 Пучину съ далекаго дна,

И силы пучинной и сумрака полны,
 Громады живаго стекла,
Качаяся, двигались шумныя волны,
 И бездна межъ ними ползла;

И долго тѣ волны бурлили, и строго
 Онѣ разбивали суда,
И долго та бездна зіяла и много
 Пловцовъ поглотила,—тогда,

Въ тѣ страшные дни роковой непогоды,
 Почтенно уважили вы
Елагиныхъ; вы ихъ на Невскія воды
 Примчали, и берегъ Невы

Счастливо ихъ принялъ. За то вы мнѣ краше
 Всѣхъ южныхъ и сѣверныхъ водъ
Морскихъ, и за то уваженіе ваше
 Мой стихъ вамъ и честь отдаетъ!

Элегія.

Богъ вѣсть, не втунѣ ли скитался
Въ чужихъ странахъ я много лѣтъ:
Мой черный день не разгулялся,
Мнѣ утѣшенья нѣтъ, какъ нѣтъ!

Печальный, трепетный и томный
Назадъ, въ отеческій мой домъ,
Спѣшу, какъ птица въ кустъ укромный
Спѣшитъ, забитая дождемъ.

Николаю Васильевичу Гоголю.

Благословляю твой возвратъ
Изъ этой нехристи Нѣмецкой,
На Русь, къ святынѣ Москворѣцкой!
Ты, слава Богу, счастливъ, братъ:
Ты дома, ты уже устроилъ
Себѣ привольное житье;
Уединеніе свое
Ты оградилъ и успокоилъ
Отъ многочисленныхъ суетъ
И вредоносныхъ наважденій
Мірскихъ, отъ праздности и лѣни,
Отъ празднословящихъ бесѣдъ,
Высокой, вѣрною оградой
Любви къ труду и тишинѣ.
И своенравно и вполнѣ
Своей работой и прохладой
Ты управляешь, и цвѣтетъ
Твое житье легко и пышно,
Какъ милый цвѣтъ въ тѣни затишной,
У родника стеклянныхъ водъ!

А я, по прежнему, въ Ганау
Сижу; мнѣ скука и тоска
Среди чужаго языка.
И Гальмъ, и Гейне, и Ленау
Передо мной. Усердно ихъ
Читаю я, но толку мало;
Мои часы несносно вяло
Идутъ, какъ безталанный стихъ.
Отрады нѣтъ! Одна отрада,
Когда передъ моимъ окномъ,
Площадку гладкимъ хрусталемъ,
Оледенитъ година хлада.
Отрада мнѣ тогда глядѣть,
Какъ Нѣмецъ скользкою дорогой
Идетъ, съ подскокомъ жидконогой—
И бацъ да бацъ на гололедь!
Краснорѣчивая картина
Для Русскихъ глазъ. Люблю ее!
Но вѣдь томленіе мое
Пройдетъ же, и меня чужбина
Отпуститъ на святую Русь!
О, я, какъ плаватель спасенной
Отъ бурь и бездны треволненной,
Счастливъ и радостенъ явлюсь

Въ Москву, что въ пристань. Дай мнѣ руку!
Пора мнѣ дома отдохнуть;
Я перекочкалъ трудный путь,
Перетерпѣлъ тоску и скуку
Тяжелыхъ лѣтъ въ краю чужомъ!
За то смотри: гляжу героемъ.
Давай же, братъ, собща устроимъ
Себѣ пріютъ и заживемъ!

Гора.

Взойди вонъ на эту безлѣсную гору,
Чтò выше окружныхъ, подоблачныхъ горъ:
Душѣ тамъ отрадно и вольно, а взору
Оттуда великій, чудесный просторъ.

Увидишь недвижное море громадныхъ
Гранитныхъ, ледяныхъ и снѣжныхъ вершинъ,
Отважные бѣги стремнинъ водопадныхъ,
Разсѣлины горъ, логовища лавинъ,

Угрюмыя пропасти, полныя мглою,
И свѣтлые холмы, поляны, лѣса,
И грады, и села, внизу подъ тобою;
А выше тебя лишь одни небеса!

Изрѣченіе Алексѣя Дмитріевича Маркова.

Любилъ онъ крѣпкіе напитки, и немало
Въ свободные часы онъ ихъ употреблялъ,
Но былъ всегда здоровъ и службу исполнялъ
Добропорядочно, и дѣло не стояло
За нимъ; былъ духомъ твердъ, глубокомысленъ; словъ
Не тратилъ попусту, но рѣчью необильной
Умѣлъ онъ дѣйствовать рѣшительно и сильно.
При случаѣ умы своихъ учениковъ
Онъ ею поражалъ, какъ громомъ. Такъ однажды,
Палимый жаждою, онъ воду пить не сталъ—
Другой Катонъ въ пустынѣ!—и сказалъ
Поморщившись: „вода не утоляетъ жажды“.

Элегія.

И тѣсно и душно мнѣ въ области горъ,
Въ глубокихъ вертепахъ, въ гранитныхъ лощинахъ.
Я выросъ на свѣтлыхъ холмахъ и равнинахъ,
Привыкъ побродить, разгуляться мой взоръ!

Мнѣ своды небесъ чтобъ высоко, высоко
Сіяли открыты туда и сюда;
По краю небесъ чтобъ тянулась гряда
Лѣсистыхъ пригорковъ, синѣясь далеко,

Далеко. Тамъ дышетъ свободнѣе грудь!
А горы да горы.... онѣ такъ и давятъ
Мнѣ душу, суровыя: словно заставятъ
Онѣ мнѣ желанный на родину путь!

Элегія.

Опять угрюмая, осенняя погода,
Опять расплакалась Гаштейнская природа,
И плачетъ, бѣдная, она и ночь и день.
На горы налегла ненастной тучи тѣнь,
И нѣтъ исходу ей! Душа во мнѣ уныла.
Передъ моимъ окномъ, бывало, проходила
Одна прекрасная; отколь и какъ сюда
Она явилася, не вѣдаю, звѣзда
Съ лазурно-свѣтлыми, веселыми глазами,
Съ улыбкой сладостной, съ лилейными плечами;
Но и ея ужъ нѣтъ! О, я бы радъ отсель
Летѣть, бѣжать, идти за тридевять земель,
И хладъ, и зной, и дождь, и бурю побѣждая,
Туда, скорѣй туда гдѣ, прелесть молодая,
Она господствуетъ и всякій день видна:
Я думаю, что тамъ всегдашняя весна!

Весна.

Великолѣпный день! На мягкой муравѣ
Лежу; ни облачка въ небесной синевѣ!
Цвѣтетъ зеленый лугъ; чистѣйшій воздухъ горной
Прохладой сладостной и нѣгой животворной
Струится въ грудь мою, и полонъ я весной!
И вотъ пѣвецъ ея летаетъ надо мной,
И звуки надо мной веселые летаютъ!
И чувства дивные тѣ звуки навѣваютъ
Мнѣ на душу. Даюсь невольно забытью
Волшебному, глаза невольно закрываю:
Легко мнѣ, такъ легко, какъ будто я летаю
Летаю и пою, летаю и пою!

Якову Петровичу Полонскому.

Благодарю тебя за твой подарокъ милой:
Прими радушный мой привѣтъ!
Стихи твои блистаютъ силой
И жаромъ юношескихъ лѣтъ,
И сладостно звучатъ, и полны мысли ясной.
О, пой, плѣнительный пѣвецъ,
Лаская чисто и прекрасно
Мечты задумчивыхъ сердецъ;
И пой, какъ соловей поетъ въ затишьи сада
Свою весну, свою любовь;
И въ пѣньи томъ и вся награда
Ему за пѣнье, вновь и вновь;
И слушаютъ его, и громко раздается,
И гонитъ сонъ отъ ложа дѣвъ,
И такъ и льется, такъ и льется
Его серебрянный напѣвъ.

Землетрясенье.

Всевышній граду Константина
Землетрясенье посылалъ,
И Геллеспонтская пучина,
И берегъ съ грудой горъ и скалъ
Дрожали: и царей палаты,
И храмъ, и циркъ, и гипподромъ,
И стѣнъ градскихъ верхи зубчаты,
И все поморіе кругомъ.

По всей пространной Византіи,
Въ отверстыхъ храмахъ, Богу силъ
Обильно пѣлися литіи,
И дымъ молитвенныхъ кадилъ
Клубился. Люди, страхомъ полны,
Текли передъ Христовъ алтарь:
Сенатъ, синклитъ, народа волны
И самъ благочестивый царь.

Вотще! Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвѣ отвергалъ,
И гулъ и громъ землетрясенья
Не умолкалъ, не умолкалъ.
Тогда невидимая сила
Съ небесъ на землю низошла,
И быстро отрока схватила,
И выше облакъ унесла.

И внялъ онъ горнему глаголу
Небесныхъ ликовъ: Святъ, Святъ, Святъ!
И пѣсню ту принесъ онъ дóлу,
Священнымъ трепетомъ объятъ.
И церковь тѣ слова святыя
Въ свою молитву приняла,
И той молитвой Византія
Себя отъ гибели спасла.

Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли,
Носись душой превыше праха,
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены.

Подражаніе псалму.

Блаженъ, кто мудрости высокой
Послушенъ сердцемъ и умомъ,
Кто при лампадѣ одинокой
И при сіяніи дневномъ
Читаетъ книгу ту святую,
Гдѣ явенъ Божескій законъ:
Онъ не пойдетъ въ бесѣду злую,
На путь грѣха не ступитъ онъ.

Ему не нуженъ путь разврата;
Онъ лишній гость на томъ пиру,
Гдѣ братъ обманываетъ брата,
Сестра клевещетъ на сестру;
Ему не нуженъ праздникъ шумный,
Куда не входятъ стыдъ и честь,
Гдѣ суесловятъ вольнодумно
Хула, злорѣчіе и лесть.

Блаженъ!... Какъ древо у потока
Прозрачныхъ, чистыхъ, свѣтлыхъ водъ

Стоитъ, и тѣнь его широка
Прохладу страннику даетъ,
И зеленѣетъ величаво
Оно, красуяся плодомъ,
И своевременно и здраво
Растетъ и зрѣетъ плодъ на немъ.

Таковъ онъ, мужъ боголюбивый:
Всегда, во всѣхъ его дѣлахъ
Ему успѣхъ, а злочестивый....
Тотъ не таковъ; онъ словно прахъ!...
Но злочестивый правъ не будетъ
Онъ на судѣ не устоитъ,
Зане Господь нелестно судитъ
И беззаконнаго казнитъ.

Въ альбомъ.

(Е. М. Хомяковой).

Дороже перловъ многоцѣнныхъ
Благочестивая жена!
Чувствъ непорочныхъ, думъ смиренныхъ
И всякой тихости полна,
Она достойно мужа любитъ,
Живетъ одною съ нимъ душой,
Она труды его голубитъ,
Она хранитъ его покой.
И счастье мужа—ей награда
И похвала; и любо ей,
Что межъ старѣйшинами града,
Онъ знатенъ мудростью рѣчей,
И что богатъ онъ чистой славой,
И силенъ въ общинѣ своей.
Она воспитываетъ здраво
И бережетъ своихъ дѣтей:
Она ихъ мирно поучаетъ
Благимъ и праведнымъ дѣламъ,
Святую книгу имъ читаетъ,
Сама ихъ водитъ въ Божій храмъ;

Она блюдетъ порядокъ дóма:
Ей милъ ея семейный кругъ,
Мірская праздность незнакома,
И чуждъ безсмысленный досугъ.
Не соблазнятъ ея желаній
Ни шумъ блистательныхъ пировъ,
Ни вихрь полуночныхъ скаканій
И сладки рѣчи плясуновъ,
Ни говоръ пусто-величавый
Бездушныхъ, чопорныхъ бесѣдъ,
Ни прелесть роскоши лукавой,
Ни прелесть всяческихъ суетъ.
И домъ ея боголюбивый
Цвѣтетъ добромъ и тишиной,
И дни ея мелькаютъ живо
Прекрасной, свѣтлой чередой;
И никогда ихъ не смущаетъ
Обуреваніе страстей:
Господь ее благословляетъ,
И люди радуются ей.

Стихи на объявленіе памятника исторіографу Н. М. Карамзину.

(Посвящаются А. И. Тургеневу).

Онъ *памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,*
Достойный праведныхъ похвалъ,
И краше, чѣмъ кумиръ иль столбъ каменосѣчный,
И тверже, чѣмъ литой металлъ!
Тотъ славный памятникъ, отчизну украшая,
О немъ потомству говоритъ
И будетъ говорить, покуда Русь святая
Самой себѣ не измѣнитъ!
Покуда внятны ей родимыя преданья
Давно скончавшихся вѣковъ
Про свѣтлыя дѣла, про лютыя страданья,
Про жизнь и вѣру праотцовъ;
Покуда нашъ языкъ могучій и прекрасной,
Ихъ вѣщій, ихъ завѣтный гласъ,
Пѣвучій и живой, звучитъ намъ сладкогласно,
И есть отечество у насъ!

Любя отечество душою просвѣщенной
И славу Русскую любя,
Труду высокому обрекъ онъ неизмѣнно
Всѣ дни свои, всего себя;
И полонъ имъ однимъ и съ нимъ позабывая
Призывъ блистательныхъ честей,
И множество суетъ, какими жизнь мірская
Манитъ къ себѣ, влечетъ людей
Въ свои объятія, и силу, и отвагу,
И жажду чистаго труда,
И пылкую любовь къ отечеству и благу,
Мертвитъ и душитъ навсегда.
Въ тиши работалъ онъ, почтенный собесѣдникъ
Простосердечной старины,
И ей сочувствуя, и правды проповѣдникъ,
И не наемникъ новизны!
Сказанья праотцевъ судилъ онъ нелукаво,
Онъ прямодушно понималъ
Родную нашу Русь,—и совершилъ со славой
Великій подвигъ: написалъ
Для насъ онъ книгу книгъ, и ясною картиной
Въ ней обновилась старина.

Вотъ первые князья съ Варяжскою дружиной,
И вѣютъ наши знамена

У Цареградскихъ стѣнъ! Вотъ Русь преображаетъ
Владиміръ-солнце древнихъ лѣтъ,
И съ Кіевскихъ высотъ ей царственно сіяетъ
Креста животворящій свѣтъ!
Вотъ Ярославъ, вотъ вѣкъ усобицы кровавой,
Раздоръ и трата бодрыхъ силъ;
Вотъ благодушные и смѣлые Мстиславы,
И Мономахъ и Даніилъ!
Вотъ страшный Божій гнѣвъ: по всей землѣ тревога
И шумны полчища Татаръ;
Имъ степь широкая, какъ тѣсная дорога *);
Вездѣ война, вездѣ пожаръ,
И Русскіе князья съ поникшими главами
Идутъ въ безбожную орду!
Вотъ рыцарство меча съ желѣзными полками
И ихъ побоище на льду;
Великій Новгородъ съ своею бурной волей,
И Псковъ, Новугороду братъ;
Москва, святитель Петръ, и Куликово поле;
Вотъ уничтоженный Ахматъ;
Великій Іоаннъ, всей Руси повелитель,
И вотъ нашъ *Грозный*, внукъ его,
Трехъ мусульманскихъ царствъ счастливый покори-
тель—
И кровопійца своего,

*) Стихъ Озерова.

Неслыханный тиранъ, мучитель непреклонный,
Природы ужасъ и позоръ!
Въ Москвѣ за казнью казнь; у плахи беззаконной
Весь день мясничаетъ топоръ;
По земскимъ городамъ толпа кромѣшныхъ бродитъ,
Нося грабежъ, губя людей,
И бѣшено-свирѣпъ, самъ царь ее предводитъ,
Глава усердныхъ палачей!
И ты, въ страданіяхъ смертельныхъ цѣпенѣя,
Ты всѣ кровавыя дѣла,
Весь дикой произволъ державнаго злодѣя,
Спокойно ты перенесла,
Святая Русь! Но судъ исторіи свободно
Свой приговоръ ему изрекъ;
Царя мучителя онъ проклялъ всенародно
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ!
Вотъ сынъ тирана, царь смиренникъ молчаливой,
Молитва, постъ и тишина,
И отдохнулъ народъ подъ властью незлобивой,
И царству слава отдана.
Правитель Годуновъ; вотъ самъ онъ на престолѣ.
Но тѣнь изъ гроба возстаетъ,
И гибнетъ царь Борисъ: его не любитъ болѣ,
Его не хочетъ свой народъ!
Бродяга царствуетъ, воспитанникъ латинства;
Онъ презираетъ нашъ законъ,

Въ Кремлѣ онъ поселилъ соблазны и безчинства,
Ночныхъ скаканій шумъ и звонъ,
И пѣсни буйныя, и струнное гудѣнье...
Но чу, набатъ и грозенъ крикъ!
И бурно въ Кремль идетъ народное волненье...
Долой вѣнчанный еретикъ!
Вотъ Шуйскій, мятежи—и самозванецъ новый
Клевретъ строптивыхъ Поляковъ;
Вотъ Михаилъ Скопинъ и братья Ляпуновы!
Вотъ сотня доблихъ чернецовъ,
Противу тьмы враговъ громовая твердыня;
Въ Москвѣ знамена короля...
Въ плѣну священный Кремль... поругана святыня...
Мужайся Русская земля!

Великій подвигъ свой онъ совершилъ со славой!
О, сколько думъ рождаетъ въ насъ,
И задушевныхъ думъ, текущій величаво
Его плѣнительный разсказъ,
И ясный и живой, какъ волны голубыя
Рѣки, царицы Русскихъ водъ,
Между холмовъ и горъ, откуда онъ впервыя
Увидѣлъ солнечный восходъ!
Онъ будитъ въ насъ огонь прекрасной и высокой,
Огонь чистѣйшій и святой,

Уже недвижный въ насъ, заглохшій въ насъ глубоко
От жизни блудной и пустой,—
Любовь къ своей землѣ. Насъ, преданныхъ чужбинѣ,
Краснорѣчиво учитъ онъ
Не рабствовать ея презрительной гордынѣ,
Хранить въ душѣ родной законъ,
Надежно уважать свои родныя силы,
Спасенья чаять только въ нихъ,
Въ себѣ, и не плевать на честныя могилы
Могучихъ прадѣдовъ своихъ!
Безсмертенъ Карамзинъ! Его бытописанья
Не позабудетъ Русскій міръ,
И памяти о немъ не нужны струнъ бряцанья,
Не нуженъ камень иль кумиръ:
Она безъ нихъ крѣпка въ отчизнѣ просвѣщенной...
Но слава времени, когда
И мирный гражданинъ, подвижникъ незабвенный
На полѣ книжнаго труда,
Вѣнчанный славою, и гордый воевода,
Герой счастливый на войнѣ,
Стоятъ торжественно передъ лицомъ народа
Уже на ровной вышинѣ!

Александрѣ Васильевнѣ Киреевой.

Сильно чувствую и знаю
Силу вашей красоты:
Скромно голову склоняю
И смиренныя мечты
Передъ ней. Когда бъ вы жили
Между Грековъ въ древни дни,
Греки бъ васъ боготворили:
Вамъ построили бъ они
Бѣломраморные храмы,
Золотые алтари,
Гдѣ бъ горѣли ѳиміамы
Отъ зари и до зари;
Васъ и царственная Гера
Не любила бъ и гнала
Не пощадно, и Венера
Вамъ покоя бъ не дала
За измѣны и обиды
Олимпійцевъ и людей....
Нынче Геры и Киприды
Вамъ не страшны. . . .
. . . .

И. С. Аксакову.

Прекрасны твои пѣснопѣнья живыя,
И сильны, и чисты, и звонки они.
Да будутъ же годы твои молодые
Прекрасны, какъ ясные вешніе дни!
Бѣги ты далече отъ шумнаго свѣта,
Не знай Вавилонскихъ работъ и заботъ;
Живи ты высокою жизнью поэта
И пой, какъ дубравная птица поетъ
На волѣ. И если тебя очаруетъ
Красавица-роза—не бойся любви;
Пускай она нѣжитъ, томитъ и волнуетъ
Глубоко всѣ юныя силы твои:
Въ груди благородной любовь пробуждаетъ
Высокія чувства—и ею полна,
Свѣтло, сладкозвучно бѣжитъ и сверкаетъ
Сердечнаго слова живая волна.
Безпечно и смѣло любви предавайся,
Поэтъ, и безъ умолку пой ты объ ней

Счастливыя пѣсни, и весь выпѣвайся
Красавицѣ-розѣ, пѣвецъ-соловей!
И бури и грозы чтобъ вѣкъ не взрывали
Тѣхъ сѣней, гдѣ счастье себѣ ты нашелъ,
И пѣснямъ твоимъ чтобы тамъ не мѣшали
Ни хитрая кошка, ни критикъ-оселъ.

С. П. Шевыреву.

Тебѣ хвала и честь и слава!
Въ твоихъ бесѣдахъ ожила
Святая Русь—и величава,
И православна, какъ была.
Въ нихъ самобытная, родная
Заговорила старина,
Насъ къ новой жизни подымая
Отъ униженія и сна.

Ты добросовѣстно и смѣло,
И чистой, пламенной душой
Созналъ свое святое дѣло,
И возбужденная тобой,
Краснорѣчиво рукоплещетъ
Тебѣ великая Москва!
Такъ пусть же на тебя клевещетъ
Мірская, глупая молва!

Твои враги... они чужбинѣ
Отцами проданы съ пелёнъ:

Русь неугодна ихъ гордынѣ,
Имъ чуждъ и дикъ родной законъ;
Родной языкъ имъ непонятенъ,
Имъ безотвѣтна и смѣшна
Своя земля, ихъ умъ развратенъ,
И совѣсть ихъ прокажена.

Такъ ихъ не слушай—будь спокоенъ
И не смущайся ихъ молвой,
Науки жрецъ и правды воинъ!
Благословится подвигъ твой.
Уже онъ много думъ свободныхъ,
И много чувствъ, и много силъ
Святыхъ, родныхъ, своенародныхъ,
Возстановилъ и укрѣпилъ.

Сампсонъ.

(А. С. Хомякову).

На праздникъ стеклися въ божницу Дагона
Народъ и князья Филистимской земли;
Себѣ на потѣху они и Сампсона
Въ оковахъ туда привели,

И шумно ликуютъ. Душа въ немъ уныла.
Онъ думаетъ думу: давно ли жила,
Кипѣла въ немъ дивная, страшная сила,
Израиля честь и хвала!

Давно ли, дрожа и блѣднѣя, толпами
Враги передъ нимъ повергались во прахъ,
И львиную пасть раздиралъ онъ руками,
Ворота носилъ на плечахъ!

Его соблазнили Далилы прекрасной
Коварныя ласки, сверканье очей,
И пышное лоно, и звукъ любострастной
Плѣнительныхъ, женскихъ рѣчей;

Въ объятіяхъ нѣги его усыпила
Далила и кудри остригла ему:
Зане въ нихъ была его дивная сила,
Какой не дано никому!

И Бога забылъ онъ, и падшаго взяли
Сампсона враги и лишили очей,
И грозныя руки ему заковали
Въ мѣдяную тяжесть цѣпей.

Жестоко поруганъ и презрѣнъ томился
Въ темницѣ, и мельницу двигалъ Сампсонъ.
Но выросли кудри его, но смирился,
И Богу покаялся онъ.

На праздникъ Дагона его изъ темницы
Враги привели,—и потѣха онъ имъ!
И старый, и малый, и жены-блудницы,
Ликуя, смѣются надъ нимъ.

Безумные, бросьте свое ликованье!
Не смѣйтесь; смотрите, душа въ немъ кипитъ:
Несносно ему отъ враговъ поруганье,
Онъ гибельно вамъ отомститъ!

Незрячія очи онъ къ небу возводитъ,
И зыблется грудь его, гнѣвомъ полна;
Онъ слышитъ: бывалая сила въ немъ бродитъ,
Могучи его рамена.

О, дай мнѣ погибнуть съ моими врагами!
Внемли, о мой Боже, послѣдней мольбѣ
Сампсона! И крѣпко схватилъ онъ руками
Столбы и позвалъ ихъ къ себѣ.

И вдругъ оглянулись враги на Сампсона.
И страхомъ и трепетомъ обдало ихъ!
И пала божница... и праздникъ Дагона
Подъ грудой развалинъ утихъ...

Романсъ.

(Шутка про К. С. Аксакова).

Угрюмъ стоитъ дремучій лѣсъ,
Чернѣя при лунѣ.
Несется витязь по лѣсу
На рѣзвомъ скакунѣ.

Одѣтъ въ желѣзо молодецъ;
Съ нимъ вѣрный мечъ и щитъ.
Онъ къ дѣвицѣ-красавицѣ
Въ объятія спѣшитъ.

Глаза у ней какъ звѣздочки,
Уста у ней какъ медъ,
И, рѣчи.... рѣчи сладкія
Какъ соловей поетъ.

И ждетъ она задумчиво
Милаго, и груститъ.
Гудитъ дорога звонкая
Подъ топотомъ копытъ.

Угрюмъ стоитъ дремучій лѣсъ;
Не дрогнетъ сонный листъ.
Несется витязь по лѣсу—
И вдругъ онъ слышитъ свистъ.

Чего бояться молодцу?
Съ нимъ мечъ его и щитъ,
И сила богатырская
Ему не измѣнитъ.

„Ты, знать, дружокъ, не пробовалъ
Встрѣчать меня въ бою!
Такъ выдь! Тебѣ немедленно
Я черепъ раскрою!“

„Не струшу я, кто бъ ни былъ ты—
Хоть самъ рогатый бѣсъ!“
Несется витязь по лѣсу.
Вотъ онъ проѣхалъ лѣсъ.

И выѣхалъ онъ на поле—
И полемъ поскакалъ,
И пусто поле чистое....
А свистъ не пересталъ!

За молодцемъ онъ гонится,
Такой же какъ въ лѣсу.
Не горячись ты, молодецъ:
Свистъ.... у тебя въ носу.

Экспромтъ.

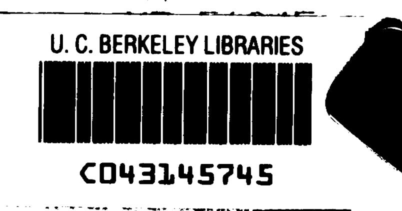
Отобѣдавъ сытной пищей,
Градъ Москва, водою нищій,
Знойной жаждой былъ томимъ:
Боги сжалились надъ нимъ:
Надъ долиной, гдѣ Мытищи,
Смеркла неба синева;
Вдругъ ударъ громовой тучи
Грянулъ въ долъ—и ключъ кипучій
Покатился... Пей Москва!

За молодцемъ

акой же какъ въ

He

вистъ....

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C043145745

